

Марина Райкина

ГАЛИНА

ВОЛЧЕК

как правило вне правил

Марина Райкина

**Галина Волчек как
правило вне правил**

«НЛО»

2019

УДК 792(470)(092)
ББК 85.334.3(2)6-8

Райкина М. А.

Галина Волчек как правило вне правил / М. А. Райкина —
«НЛО», 2019

Галина Волчек – это не просто женщина, актриса и главный человек одного из самых известных театров страны – «Современника». Она живет со своей очень нестандартной системой координат. Волчек ненавидит банальности и презирает предателей. Она не признает полутонов в человеческих отношениях и из нюансов творит свой театр. Гармония несочетаемого – самая большая загадка жизни и творчества первой леди российского театра Галины Волчек.

УДК 792(470)(092)
ББК 85.334.3(2)6-8

© Райкина М. А., 2019
© НЛО, 2019

Содержание

{ ВСТУПЛЕНИЕ }	6
1940. Конец мая – начало июня	8
1941. Октябрь	11
1942	13
1946 год	19
1947	21
1951	29
1950	33
1951	35
1954	41
1956	47
1957	52
1956	57
Начало 60-х	61
1961	67
1959	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Марина Райкина
Галина Волчек как правило вне правил

© М. Райкина, 2004, 2012, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

* * *

{ВСТУПЛЕНИЕ}

Когда знаменитый кинооператор, отец московской операторской школы Борис Волчек смотрел на свою маленькую единственную дочь, он вряд ли мог предположить, что она по значимости в искусстве оставит его далеко позади. Что она станет героиней бесчисленных статей, исследований, теле- и радиопрограмм. Что ее узнает мир. Умиляясь тем, как она играет во дворе красным мячом, в пальто и шапочке такого же цвета, он не знал, что пройдет не так много лет, и эта неловкая толстушка напишет яркий сценарий своей жизни, в котором переиграет все роли – от главных до эпизодических – и с которым ей самой порой будет трудно справиться. Этот сценарий получит название – «Как правило вне правил».

Когда же мы познакомились? – думаю я, глядя на эту странную женщину, странность которой чем дальше, тем больше становится необъяснимой для меня. В профиль, когда я наблюдаю ее со стороны, или анфас, общаясь глаза в глаза, – она озадачивает меня своей простой и ясной исключительностью.

Мы познакомились... в прошлом веке. Мне шестнадцать, и в середине 70-х каким-то случайным ветром меня занесло в театр на Чистые пруды. Шел спектакль «Двое на качелях», и на программке было написано: «Режиссер Волчек».

– Мужчина, – с умным видом сказал мой приятель, большой спец в области рок-музыки, но не театрал, и мы уселись на последний ряд, собираясь заняться там тем же, чем в кино на последнем сеансе. С третьим звонком ушел свет, рука приятеля привычно легла на плечо, и...

Что случилось в тот вечер? Эмоциональная память – самая сильная и единственная, способная насквозь пробить время, – раз и навсегда зафиксировала ошеломление от увиденного в неокрепшем подростковом сознании. На сцене вроде бы ничего не происходило – мужчина и женщина говорили без конца, выясняли отношения, встречались и разбегались. Чужая жизнь затягивала, как тряпина, с той только разницей, что вырваться из ее «смертельных» объятий и вернуться в 1975 год на Чистые пруды, в серо-стандартный зал с вытертыми креслами, совсем не хотелось.

В финале, как потом, смеясь, рассказывал мой приятель, я вскочила с места и в повисшей как топор, напряженной тишине сдавленным голосом крикнула герою: «Не уходи!» Самое интересное, что рядом сидевшие люди нисколько не удивились такой выходке.

Таким был первый шок от Волчек, о которой я ничего не знала. Я не знала, что за границей ее часто путали с Симоной Синьоре, что она курит крепкие сигареты и не стесняется крепких выражений. Что – потрясающая характерная актриса, с которой сама же, став режиссером, жестоко обойдется. Впрочем, и она не догадывается об этом шоке, как и о том, что через несколько лет расскажет мне, как в тесной ванной репетировала «Двое на качелях» – свой первый успешный спектакль. И именно на нем она интуитивно использовала приемы, которые войдут в хрестоматию по режиссуре. А артист Михаил Козаков, игравший в спектакле главную роль, дополнит ее рассказ своим – как «Двое на качелях» влипли в историю с ОБХСС.

Я вообще ничего тогда не знала. Что официально ее фамилию произносят то «Волчок», то «Волчек». А в театре зовут просто «Волчихою» или «Волчицею», хотя ничего общего с этим зверем она не имеет. Разве что изредка испытывает желание выть от бессилия, когда никто не видит. Не знала, что при всей ее общественной значимости она останется наивной, как маленькая девочка с пухлыми губами, которые не умеет поджимать от обиды. И что когда достигнет солидного положения, будет многих обескураживать своими действиями и поступками, так не соответствующими ее статусу главного режиссера одного из главных театров страны, депутата Государственной думы и вообще значимой фигуры в театральном мире. И что, наконец, сочетание «театр Галины Волчек» она терпеть не может, предпочитая ему другое, более конкретное – территория. Я не предполагала, что на этой территории очень легко потеряться.

И уж тем более не думала, что дотошно буду интересоваться подробностями ее безоблачного детства.

1940. Конец мая – начало июня {МОСКВА. ПОЛЯНКА}

Солнцем залитый дворик, и от синевы, разлитой в воздухе, чувство оголтелого счастья. Счастье это резиново и упруго на ощупь и по цвету ярко-красное с белым. Счастье – мяч в руках толстой девочки – мечта окруживших ее подружек.

– Галь, дай поддержать.

– Галь, а я тебе за это заколку дам.

– Галь, а Галь...

Она держит паузу – на вершине блаженства слов не бывает. Но с вершины она достаточно быстро летит вниз, как только из подъезда выходит девочка с точно таким же мячом в обнимку. И в точно таком же красном пальто и шапочке, как она. Дворовая общественность полностью переключается на Красную шапочку – 2.

– Наташ, а Наташ...

Когда-то Галина Борисовна была просто Галей – дочерью известного оператора Бориса Волчека родом из Витебска и домохозяйки с двумя высшими образованиями Веры Майминой, родившейся в семье скромнейшего служащего пожарной охраны в Даугавпилсе. Гале всегда хотелось быть похожей на отца – такой же доброй, мягкой, деликатной. Собственно, по дворовым меркам, она и была доброй, то есть нежадной. Во всяком случае, долго уговаривать ее поделиться игрушками, которые однажды отец привез ей из Польши, было не надо. Тем более что весь облик девочки гарантировал это – добродушная внешность, мягкие манеры...

Лишь время проявит в ней материнскую черту, которую Галя так боялась и ненавидела, – жесткость. Впрочем, до обнаружения ее в себе тогда, в 1940 году, было еще очень далеко. Детство было безоблачным и протекало во дворе элитного дома на Полянке, только что отстроенного для лучших людей отечественного кинематографа. Здесь жили Дзига Вертов, Юлий Райзман, Роман Кармен, Александр Птушко, Ада Войцик, семейства Ромма и Волчека.

Пионеры советского кинематографа, в том числе и Борис Волчек, оставили летопись времени – дымили заводы, мчались поезда. Красивые девушки и юноши выстраивали из своих молодых тел пирамиды на параде. Всех – и этих белозубых молодых, и тех, над ними, на Мавзолее, утро встречало прохладой, о чем они с энтузиазмом и распевали из всех радиоточек. А что оставалось кинематографу? Фиксировать на пленку процесс всеобщего «ура-а-а!».

Талантливый оператор Борис Волчек и его режиссер Михаил Ромм занимались не только этим. В Польше они сняли картину «Мечта» – драму из буржуазной жизни, названную, и не без оснований, великой. Еще не великие тогда Ростислав Плятт и Фаина Раневская талантливо представляли на экране нечеловеческие ценности мира чистогана. Актерские образы. Операторский стиль. Игра света и тени. Режиссерский почерк – все это спустя много лет станет профессиональным языком Галины Волчек. Но тогда ее совершенно не волновали судьба извозчика и то, как бесчеловечно обойдется с ним квартирная хозяйка. Ее занимал только красный с белым горохом мяч, который привез отец из той польской поездки.

Вера Маймина, Борис Волчек, няня Таня с маленькой Галей на руках в первое ее лето

Мяч в руках девочки – мечта окруживших ее подруг.

– Галь, а Галь... Ну дай поиграть.

– Галь, а я тебе за это заколку дам...

Она держит паузу – на вершине блаженства слова ни к чему. Но детское нытье разрезают металлические нотки голоса матери из окна:

– Га-ля!

Она до сих пор их настолько ясно слышит, что я отчетливо представляю, как маленькая девочка в красном пальтишке и чулках в резинку, чуть сползших на красные ботинки, тормозит свой счастливый пробег по двору элитного дома.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Я всегда боялась матери. Так, в эвакуации в Алма-Ате, во время войны, когда все ребята ходили воровать яблоки, я играла у подъезда в классики. А мама всегда с гордостью показывала на меня своим подругам и говорила: «Стоит мне только сказать “Га-ля” – и она уже дома».

Этот страх перед матерью дал мне потом все мои комплексы и заставил наделать массу глупостей.

Жесткость в характере ей все-таки от матери досталась, и проявлялась она где угодно, только не в воспитании ее единственного сына Дениса.

1941. Октябрь {МОСКВА – СВЕРДЛОВСК}

Все те же девочки в красных пальто, но уже перевязанные поверх платками крест-накрест для утепления. Они до одури, во всю глотку орут друг на друга.

– Да что у вас в Свердловске интересного, – кричит Наташа Ромм, – ты едешь к бабушке с дедушкой. А у нас... Мы едем в Ташкент. Мы кино снимать будем. Про фашистов! – кричит Наташа, и Галя Волчек обиженно надуется.

С самого начала войны Галя вместе с любимой нянечкой Таней отправились в Свердловск к бабке по материнской линии. Что это за личность, она не представляла, но уезжала в кислом настроении – никакого кино ей в Свердловске не светило. Большинство из киношников переехали в Алма-Ату, а верная подруга Наташа Ромм отправлялась с родителями в Ташкент и дразнила Галю перспективами:

– Мы кино снимать будем. Про фашистов. А ты, а ты...
Галя от обиды только прикусывала губы.

Через 30 с лишним лет после того, как Ростислав Плянт снялся в фильме «Мечта» Михаила Ромма и Бориса Волчека

Зато именно на Урале она впервые столкнулась с незнакомым доселе миром фанатов. Ее бабушка Роза пыталась привить столичной внучке любовь к жанру, где изобилие женских ножек, легкомысленных куплетов и обходительных манер делало суровую действительность военного времени приятней, чем она есть.

Роза Борисовна была личностью знаменитой в городе, что-то вроде лидера андеграунда: она возглавляла движение сыров местной оперетты. Девочка рядом с ней проходила школу

театральной интриги: в дом стекалась вся закулисная информация, и Галя не успевала ориентироваться в именах и заслугах опереточных теноров и сопрано.

– Как, Каринтелли не посмотрел в первый ряд? Ну, мы ему устроим!

– Цветов у Викс было больше? Так, срочно организовать три букета!

– Собирайте копейки, мы ей устроим звон!

Кому, кто и за что устроит медный обвал, Галя не догадывалась, но была свидетелем бурной опереточной войны между сырами разных премьеров и премьерш. Они жили своей особой жизнью, и казалось, что настоящая, не театральная война, в которую погрузилась страна, их не касалась.

Девочка в восторге от красивой опереточной жизни – графы, перья на шляпках, элегантные тети. Но их долгое пение про любовь, называемое бабкой ариями и дуэтами, вызывает у внучки зевоту. Не исключено, этот незначительный опереточный эпизод расставит существенные акценты в ее взрослой жизни: Волчек полюбит красоту вокруг себя и на себе, а в любви совсем не сможет выносить невразумительных длиннот и пауз.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Меня до сих пор потрясает одна история из того времени. Отец проездом на три часа заехал в Свердловск. Дед расспрашивал его о войне, переживал. А я видела, что бабка моя просто не в себе – нервно трясет ногой, то и дело вскакивает с места, садится опять, наконец не выдерживает: «Все, сейчас начинается выходная ария Сильвы», – почти что кричит она, хватая с вешалки пальто и исчезает за дверь. То, что дед пришел с работы и его надо покормить, зять заехал на три часа и, может быть, погибнет на войне, – все это оставалось за пределами ее сознания.

Ни одна глобальная общечеловеческая проблема не в состоянии была затмить опереточное искусство, легко и красиво разрабатывающее матримониальные проблемы представителей высшего света.

Волчек – мастер рассказывать истории, образность которых доведена до кинематографической точности. Почему она не снимает кино – я не понимаю. Во всяком случае, этот эпизод составил бы честь любому биографическому фильму.

1942 {СВЕРДЛОВСК}

Портфель, подогретый сентябрьским солнцем, не кажется тяжелым, хотя тянет к земле. Непереводимая на слова гордость распирает маленькую Галю от причастности к серьезной жизни – она пошла в 1-й класс. А вернее, первый раз возвращается из школы домой. Лишь одно портит настроение уверенной первоклассницы – ей ужасно хочется... писать, а до дома идти два квартала. «Я уже взрослая, с портфелем», – твердит она себе по дороге и отводит глаза от кустов.

Мама – Вера Исааковна Маймина

Отец – Борис Израилевич Волчек

Галя Волчек

Она часто рассказывает вещи, которые принято скрывать, чтобы сохранить чистоту когда-то сочиненной легенды. Похоже, что легенд она не признает, но при этом степень своей открытости контролирует полностью.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Я отводила глаза от кустов, где с удовольствием присела бы еще месяц назад, таким образом решив ничтожную проблему. Решила, что лучше я незаметно в штаны по дороге буду писать. По чуть-

чуть. Когда я пришла домой, все чулки в резинку с внутренней стороны были мокрые.

А через много-много лет я поехала в Болгарию на кинофестиваль, там было несколько актрис и один известный режиссер. И вот красивый зал. Проектора. Нас вызывают на сцену. Мы идем все красиво одетые. И вдруг мой взгляд упал на штанину режиссера – она была мокрой. Пьющий был человек, но талантливый. Вспомнила себя в детстве в самый неподходящий момент.

Несмотря на то что Галя в детстве смертельно боялась матери, сопротивление материала жесткой педагогике прорезалось все чаще и чаще. Однажды, когда дома никого не было, она достала из шкафа заветные бабкины штаны – розовые с начесом, присланные из неизвестной Америки как гуманитарная помощь русским. Она всегда обмирала от этого образца мануфактурного производства. Поэтому, недолго думая, взяла ножницы и вырезала ластовицу, куда и просунулась счастливая рожица с припухшими губами и толстым носом. Руки быстро вдела в штанины, как в рукава, и посмотрела на обнову – очаровательная кофточка готова. Ее она украсила старательно вышитым вензелем из букв ГВ – Галя Волчек. Когда бабушка увидела результат творчества своей внучки, она схватилась за сердце. А мать от страха за бабушку и от первого звончка своеволия дочери просто начала кричать. Но что такое родительская истерика по сравнению с первым творческим экстазом?

Может быть, Вера Исааковна перешла бы на лирическую часть в своей педагогической поэме, если бы обладала даром предвидения и увидела, что спустя много лет будет работать под началом своей забитой дочери. Впрочем, и там, в тесной комнатке кассы, она оставалась верна себе и демонстрировала твердость характера.

Вообще, отношения с матерью у нее были всегда непростые. Если отцу, который для нее навсегда останется идеалом мужчины, она готова была простить все, то для матери никаких исключений не делалось.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Еще в эвакуации у родителей уже были плохие отношения – каждый из них жил своей жизнью, а для меня они сохраняли видимость семьи.

И снова рассказывает о вещах, которых стыдится до сих пор.

– Когда к матери приходил любовник, я забиралась на дерево, чтобы через окно убедиться в своих подозрениях. Мне было противно, что с чужим человеком мама разговаривала не так, как с отцом: ласково и нежно. Она не знала, как ему угодить. В эти моменты подсматривания я страдала за отца и совсем не переживала за мать, когда узнала, что он встречался с другой женщиной.

Двусмысленность детского существования прекратилась в 13 лет, когда Вера Исааковна произнесла с привычными металлическими нотками:

– Ты должна выбрать, с кем оставаться жить: со мной или с отцом.

И голос этой совсем не сентиментальной женщины дрогнул:

– Мы развелись.

Галя поняла, что она страдает, хотя всячески скрывает это. И все же выбрала отца – свой мужской идеал на всю жизнь, который она так и не встретила. Вырвавшись из ежовых рукавиц материнского воспитания, она глотнула свободы со всеми ее упоительными пороками. Оставила ненавистную школу и перешла в экстернат. Научилась курить. Она любит повторять, что, вырвавшись из-под материнской опеки, попробовала все.

– Все? – уточняю я, рискуя поставить ее в неловкое положение.

– Абсолютно все, – отрезает она жестко, давая понять, что тема закрыта и что не следует рассчитывать на более откровенный ответ. – В моем возрасте было бы смешно предаваться такого рода воспоминаниям – где, когда, с кем и как я была в первый раз. Это всегда очень фальшиво – не откровенность, а пошловатая игра в откровенность.

1946 год {МОСКВА. ПОЛЯНКА}

Галя и отец в комнате. Он смотрит на нее внимательно, хотя только что вернулся со студии и снимает серый макинтош. Она провожает глазами его зеленую шляпу, приземлившуюся на верхней полке вешалки.

– Что случилось? – спрашивает Борис Волчек дочь.

– Ничего.

А губы уже набухли. Слезы дрожат в глазах. Он опускается перед девочкой на корточки. Осторожно поправляет воротничок платья. Она смотрит в сторону.

– Ну что произошло, Галя?

С няней Таней

Вообще, тот факт, что девочка из киношной среды, выросшая в доме, где жили сплошные кинознаменитости, не двинула в кино, вызывает удивление. Ведь целыми днями подружки мигрировали из квартиры Волчек в квартиру Ромма и обратно. Она отлично помнит, как дядя Миша, который для всех был суперавторитетным Михаилом Ильичом, приезжал вечером со съемок и садился за круглый стол.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – А стол у Роммов накрыт был всегда – с него не убирали чашки, сахарницу, хлеб, сыр, сладкое. Только время от времени грели чайник. И каждый раз была одна и та же мизансцена, в которую иногда добавлялись новые персонажи, а так неизменно – круглый стол, за столом Ромм, Наташка и я. Полулежа на тахте, всегда за пасьянсом Кузьмина,

ее в доме звали Леля. Именно за этим столом я впервые услышала имя Станиславского, а рассказ Ромма о фильме «Месье Верду» с Чаплином настолько потряс меня, что мне никогда не захотелось увидеть этот гениальный фильм, чтобы не испортить впечатление от гениального моноспектакля Ромма.

Но у того, что Галина Волчек не осталась в мире кино, есть несколько объяснений. Во-первых, о потомственности в профессии в доме Бориса Волчека, пожалуй, вопрос не стоял. Во-вторых, он не хотел, чтобы дочь работала в кино, зная, какой ценой достается известность и кинослава. И, наконец, он не уважал протекционизм и использование родственных связей в делах.

Для самой же Гали кино не было привлекательным в силу своей ежедневной и ежечасной доступности. Камера, экспозиция, съемка, пробы, команда «мотор» были для нее так же привычны, как чайник на плите. Тем более что любую знаменитость можно было потрогать руками и нахально посидеть у него на шее. В Алма-Ате, в эвакуации, знаменитый Николай Крючков сажал киношных детишек на танк во время перекура на съемках фильма «Парень из нашего города».

Когда ей было 8 лет, она посмотрела все трофейные картины, которые для профессиональной информации крутили на Алма-Атинской киностудии. Этот мир был знаком и не тянул ее, в отличие от театрального, где Волчек не имела ни одной знакомой живой души.

– И неужели вам не хотелось сняться в кино? – спрашиваю я ее.

– Хотелось. Один раз. После того как моя подружка Наташка Ромм снялась в роли актрисы Кузьминой – то есть сыграла собственную мать в раннем детстве. И тогда я чуть не плача пришла к отцу – он только вернулся с работы.

– Что случилось? – спросил Борис Волчек дочь.

– Ничего.

А губы уже набухли. Слезы дрожали в глазах. Он опустил перед девочкой на корточки. Осторожно поправил воротничок платья. Она смотрела в сторону.

– Ну что произошло, Галя?

– Почему ты меня не снял в кино? А дядя Миша Наташку снял.

– А разве ты похожа на Кузьмину? – ответил ей отец.

И вот еще один киноэпизод из биографии Галины Волчек раннего периода. Это было в Ялте, где Михаил Ромм со своим оператором Борисом Волчеком снимал картину «Адмирал Ушаков». Отправляясь в киноэкспедицию в южный город, киношники взяли с собой детей, и тех пронырливые ассистенты Ромма тут же приспособили на съемки для массовки.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Я помню, снималась сцена в порту, и толпа южан должна была приветствовать русский флот. Нас нарядили в яркие костюмы, повязали платки... В общем, мы с Наташкой что есть сил изображали коллективную радость. «Ура!» – кричали мы вместе с толпой, и вдруг Ромм увидел нас. Он так начал хохотать. «Выведите их отсюда, – сказал он, отсмеявшись, ассистентам, – эти девчонки нам все съемки испортят».

Однако детские неудачные опыты получили серьезное и многообещающее продолжение в юности.

1947

{МОСКВА. ДОМ НА ПОЛЯНКЕ}

Снова знаменитый двор знаменитого дома на Полянке. Расклеены и распахнуты все окна. Галдеж детей во дворе. Старушки на лавочке перемывают кости местным модницам и обсуждают проходящие парочки. Из окна на третьем этаже свесилась и неотрывно смотрит куда-то в сторону крупная тетка. Впрочем, свесилась – это слишком мягко сказано. Обладательница бюста размера XXL, туго стянутого ярким сатиновым халатом, чуть не целиком высунулась из окна, чтобы получше рассмотреть то, что пока еще никто не видит.

А там не спеша к своему подъезду идет Галя Волчек, неестественным образом расплывшаяся. На ней отцовский длинный серый плащ, под которым... Ужас на лице соседки.

– Вот оно, мужское воспитание и современная молодежь! – кричит она и бросается к телефону.

Я пытаюсь представить Галину Борисовну в 13-летнем возрасте – широкий, по-подростковому расплывшийся по лицу нос, упертый взгляд. Одетая, не наверное, а совершенно точно, в духе времени – то есть как все: юбка без возраста, пуговицы кофточки трещат на вдруг выросшей груди. Она уже стесняется мужских взглядов. Во всяком случае, оказавшись в лифте с соседом – режиссером Юлием Райзманом, сказавшим ей: «Не худи, мужчинам нравятся полные», – она готова провалиться сквозь землю.

Но не в этом дело – мужчины, половозрелые и не совсем, в ее жизни появятся позже. Тогда же ее волновала вопиющая несправедливость по отношению ко всем, в том числе и к себе. Чересчур любопытная до чужой жизни соседка распускала про дочку оператора Волчека сплетни.

С двоюродным братом Романом Волчеком

– Галина Борисовна, вы помните эту историю?

– Еще бы. У нее была предыстория. У меня есть двоюродный брат Рома, он старше меня на семь лет. Но, несмотря на разницу в возрасте, так заметную в детстве, мы очень дружили. Были как товарищи. Однажды сидели с ним возле дома, смеялись, Ромка приобнял меня за плечо. А когда я вернулась

домой, моя Таня ворчала: «Говорят, ты с парнями в обнимку ходишь? Что ж ты, Галька, делаешь?»

Реакция последовала мгновенно. Выяснив источник дезинформации, она решила повоспитывать сплетницу и не нашла ничего лучше, как под ее окнами сыграть роль беременной пионерки. Она напялила плащ отца, выпросила у няньки деньги на арбуз. Купила его, засунула под плащ и в таком виде гуляла под окнами дворовой сплетницы.

– Вот оно, мужское воспитание и современная молодежь! – закричала та и бросилась к телефону, чтобы рассказать всему дому, до какой жизни докатилось семейство Волчек. – Бедный Борис Израилевич, – тянула притворно она в трубку, а на лице при этом было злорадство.

Нет, сплетница была недалеко от истины – Волчек действительно была беременна. Но не ребенком, а театром. В ней, не находя выхода, билась большая актриса. Когда она засунула купленный арбуз под плащ и подошла к дому, то окончательно вжилась в образ. Она шла медленно, останавливалась, хватала рукой воздух, как бы желая найти опору. Выразительно вздыхала. Прогулка будущей роженицы на свежем воздухе шла по классической схеме в исполнении 13-летней девочки. Это был протест против несправедливости, который просыпался в ней, и последствия его были непредсказуемы.

«Вот тебе! Получай! Таких, как ты, надо учить», – думала она про себя. И в этот момент юную артистку Волчек потеснила Волчек-режиссер.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: «А что, если, – подумала я, – взять сейчас и уронить арбуз? Пусть на ее глазах мой “живот” разлетится вдребезги!» Но арбуз стало жалко.

Чем дальше, тем острее будет ее реакция на несправедливость, и она так и не научится мириться с ней, принимать за норму, как это привыкли делать многие.

И с таким независимым характером эта дурочка собиралась в артистки?

Отношения с народным образованием у нее испортились после четвертого класса. Именно тогда она получила свою последнюю похвальную грамоту, разделившую школьную жизнь на два цвета – белый до и черный после. Она, взрослый человек, до сих пор с ужасом вспоминает завуча 585-й московской школы – маленького роста, приземистую женщину с колючими глазами, прошивавшими учеников насквозь, отчего те чувствовали себя полными ничтожествами. Комплексы из зачаточного состояния вырастали до глобальных размеров.

С отцом. Сигарета – пока еще шутка...

«За что меня так ненавидит завучиха? Что я сделала такого?» – спрашивала она себя не раз. Незначительные прогулы, тройки по точным наукам и пятерки по сочинениям вряд ли могли заставить училку взять курс на уничтожение ученицы Волчек – девочки из приличной, интеллигентной семьи.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Знаешь, я и сама точно не только тебе, а и себе ответить не могу, за что она меня так ненавидела. Очевидно, я для нее была идеальным образцом того, каким не должен быть нормальный советский

ученик. А она для меня была типичным представителем такого ненавистного, несвободного совка.

Это теперь она способна хоть как-то сформулировать свои чувства. Тогда же ничего, кроме ожесточения и неосознанного протеста, она в себе не ощущала. Протест выражался традиционно-банально: девочка ненавидела школу, не хотела туда идти по утрам, имела два дневника: для школы и для матери. Завуч, имя которой она запомнила на всю жизнь – Зинаида Ивановна, – отравила ей последние школьные годы.

В памяти осталось лишь одно светлое пятно – кабинет литературы и учительница Анна Дмитриевна Тютчева. Она ставила двойки за банальное мышление и пятерки за собственный и отличный от учебника взгляд на свой предмет. Даже если в сочинении было полно грамматических ошибок, его автор всегда мог рассчитывать на «отлично» за позицию.

И тем не менее она возненавидела школу и решила уйти из нее после восьмого класса.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – А на что я могла рассчитывать? Только на школу рабочей молодежи в Грохольском переулке. Я поступила туда. Но что-то мне не понравилось – надо было ходить каждый вечер, учить математику, в которой я ничего не смыслила. Я была типичный гуманитарий. Любила бегать в Третьяковку и даже помню, какая картина появилась там первая – «Искушение» Шильдера. Однако аттестат-то нужен был – кровь из носа: без него же не принимали документы в театральный.

И тогда в жизни Гали Волчек появился человек, которому она благодарна и по сей день. Справедливости ради стоит сказать, что сначала, до него, возник соседский парень – Изя Ольшанский. У него также не сложились отношения со школой рабочей молодежи, но он оказался более активным строителем собственной жизни, чем его подружка по несчастью. Этот самый Изя, который потом работал на «Мосфильме», а через несколько лет эмигрировал в Германию, разузнал, что на далекой московской окраине, а именно в Перове, есть школа-экстернат, где можно сдать экзамены за девятый и десятый классы. И не просто сдать, а что есть там учитель Михаил Миронович, который за символическую плату помогает подготовиться к этим самым ненавистным экзаменам. Ко всем, кроме химии. И здесь история входит в свою драматическую часть, полную необъяснимых и, как покажет время, мистических вещей.

Середина 40-х. Надпись на обороте фотографии: «На память дорогим бабуле и дедуле от Гали. Бабуля и дедуля, это я снималась на теннисном корде». Орфография сохранена.

Хоста, 1946 год

1951

{МОСКВА. УЛИЦА ПЕРОВСКАЯ. ШКОЛА-ЭКСТЕРНАТ}

– Берите билет и готовьтесь, – говорит учительница строгим голосом, не предполагающим возражения. Галя Волчек вместе с пятеркой таких же дрожащих, как она, берет белую бумажку со стола.

– А мне готовиться не надо.

– Как, не надо? – Удивленные глаза учительницы поверх очков.

– Не надо, – повторяет экзаменуемая, стремительно подходит к доске и быстро-быстро исписывает ее химическими формулами.

Итак, Михаил Миронович сделал все, что от него требовалось, – помог Гале Волчек пройти физические и математические круги ада. Оставался последний – химический, пугающий ее так и не освоенной таблицей Менделеева. Самое интересное, что о Менделееве Галя знала много – что он чемоданы делал, был тестем поэта Блока и даже читал его стихи наизусть. Что касается его химических открытий, то они были недоступны ее гуманитарному сознанию. Она готова была скорее раствориться в соляной кислоте, чем что-то постичь про возможности этой самой кислоты вступать в двух- и трехвалентные соединения. Перспектива отсутствия оценки по химии и как результат – аттестата зрелости мучила ее и загоняла в тупик.

В таком состоянии девочка безнадежно листала учебник, и вдруг...

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – В полной безнадеге листаю, листаю и вдруг вижу название «Теория электролитической диссоциации». Мне так понравилось сочетание слов, а кантиленность названия вообще звучала как песня. И вдруг меня шибануло – я выучу это наизусть.

20 мая 1948 года.

Подпись на обороте: «С экзамена».

Она творчески подошла к вопросу. Позвонила знакомому парню, который учился в Горном институте, и попросила его достать брошюру по теме этой самой электролитической диссоциации.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – И вот представь: я выучиваю наизусть всю главу из учебника и плюс всю эту брошюрку. Выучиваю так, что, если меня ночью разбудить, я повторю все формулы. Когда меня спрашивают: «Как вы учите большую роль?» – я отвечаю, что после «теории электролитической диссоциации» мне ничего не страшно. В общем, я тренировалась день и ночь, рисовала протоны, нейтроны и с закрытыми глазами могла в считанные минуты все это изобразить.

До этого часа она вряд ли знала за собой такую азартность, не имеющую ничего общего со здравым рассудком. Мощности энергетического заряда вполне хватило бы на поверхностное освоение учебника по химии, но Галина всю страсть обрушила на так поразившее ее музыкальное название чисто технической теории. Такое проявление оказалось вовсе не случайным, а, как покажут дальнейшие события ее жизни, страстность станет самой устойчивой чертой ее натуры – такой обманчиво спокойной и флегматичной с виду.

1948 год.

С одноклассниками в конце учебного года

На экзамене и страсть, и знания Волчек продемонстрировала в полной мере.

– Берите билет и готовьтесь, – сказала учительница строгим голосом, не предполагающим возражения.

– А мне готовиться не надо.

В билете не было ничего похожего на теорию электролитической диссоциации.

– Как – не надо?

И она стремительно подходит к доске и быстро-быстро исписывает ее химическими формулами. Когда на доске не останется живого места от цифр, скобок и химических знаков, она, не сбавляя темпа, выдаст знания про электролитическую диссоциацию. Скорость, с какой Волчек сыпала терминами и наукообразными фразами, заставила всех дрожащих соучеников забыть о своих билетах и смотреть на Волчек как на фанатку химии, готовящуюся к научному подвигу. Она же не сбавляла темпа. Наконец перевела дух, посмотрела на часы – ровно 28 минут длилась ее тронная химическая речь. «Уложились», – подумала про себя и посмотрела на членов комиссии.

– Переходите к реакции, – сказала экзаменатор и получила в ответ:

– Нет.

Удивление, смтение в рядах комиссии, явно потерявшей волю.

Волчек неожиданно выбросила вперед правую руку:

– Видите пятно?

Пауза. Глаза педагогов в тревоге метались с правой руки на лицо ее владелицы. Они ждали объяснения, которое тут же и получили.

– В детстве я постоянно делала опыты. Я была как фанатичка и все время что-то смешивала, соединяла разные реактивы. Однажды склянка взорвалась в руке – и вот смотрите.

И тыльная сторона ладони упирается в нос училки, пытающейся рассмотреть темное пятно, похожее на выжженное место.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – После двадцативосьминутного выступления, когда было изложено все до последней точки в брошюре, я почему-то сказала: «А теперь...» Я часто потом думала, если бы меня спросили: «А что теперь?», я бы заплакала, я не знаю до сих пор, «что теперь». Дальше мог быть только расстрел. Но химичка вдруг сказала: «А теперь ничего не надо», – и вклеила мне пятерку.

Я представляю себе – одна рука медленно, как в рапиде, вывела в экзаменационном листе «пять». Зачем-то поставила точку. Другая рука быстрохватила этот лист. Дверь кабинета химии закрылась. Волчек быстро удалилась по коридору.

Так Галя Волчек сдала химию, получила аттестат зрелости и побежала относить его в Школу-студию МХАТ. Какой яркий, можно сказать, театральный финал! – думаю я. – Bravo! Каждая мизансцена и каждая роль в этом школьном сценарии расписана как по нотам в этом неосознанном режиссерском дебюте.

Если бы Волчек сразу же готовилась в режиссеры, то этот случай можно было бы считать лучшим тестом на профпригодность. Но вся штука в том, что расчета здесь было столько же, сколько в Африке снега. Ни одна химическая лаборатория в этом анализе не обнаружила бы и частицы расчета и тем более холодного рассудка.

Не зафиксированными ни ею самой, ни педагогами остались первые мощные проявления актерских и режиссерских способностей, которым прежде негде было проявиться. Она не знала, что владеет главными актерскими качествами – заразительностью и магнетизмом. Во всяком случае, напор, с которым она подавила экзаменационную комиссию, через несколько лет проявится на сцене. Но прежде всего поразит всех парадоксальным сочетанием медлительности и стремительности, с каким ни на кого не похожая актриса Волчек будет подчинять себе пространство на сцене и в зале. Ее можно было бы назвать «мадам минимум движений» – внешний минимум нес мощнейший психологический заряд. Что, собственно, и показали уже первые работы Галины Волчек – актрисы еще совсем молодого и шального «Современника».

Получив «пять» в 1951 году, она не знала, что история с аттестатом зрелости, начавшаяся в Москве, закончится спустя сорок лет на Земле обетованной.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – В 1995 году мы поехали на гастроли в Израиль. Повезли три спектакля и играли их в театре «Нога». Он тогда был основной площадкой для русских гастролеров. И вот как-то после репетиции я возвращаюсь в гостиницу. Вдруг телефонный звонок. Голос на том конце провода был такой взволнованный, срывающийся, что я поняла – звонит не просто поклонник. «Галина Борисовна, это говорит ваш учитель, если, конечно, помните...» – «Михал Мироныч! – закричала я. – Да как же я вас забуду!!!»

Она пригласила его на спектакль, после он робко зашел за кулисы, и она сразу же его узнала – такой же длинный и сутулый, как вопросительный знак. С ним были жена и дочь, и Волчек обнимала его, целовала. Ее артисты устроили ему овацию. Похоже, что у старого учителя с Перовской улицы наступил звездный час.

1950

{МОСКВА. КВАРТИРА НА ПОЛЯНКЕ}

В зеркале на стене, рядом с гробоподобным шкафом – отражение. Припухшие губы, нос картошкой и к тому же с родинкой. «Фигура тоже подгуляла», – говорит само себе изображение, придирчиво осматривая большую грудь.

Изображение кривится, подрагивает, руки вытирают глаза.

Собственная внешность прочно поселила в ней комплекс гадкого утенка, которому нет места ни на сцене, ни уж тем более на экране. Комплекс усиливало окружение – стройные красотки, милашки, на которых любая модная вещь, добытая с боем, сидела как на манекене. А она не вписывалась ни в какую группу типажей, готовившихся к актерской карьере. Ей даже темно-синий в полоску костюм (юбка и пиджак) сшили у мужского мастера. Борис Волчек ничего не понимал в женских туалетах и сделал для единственной дочери все, что мог, – отвел ее к лучшему в Москве мужскому портному.

Ни о какой актерской карьере не могло для нее быть и речи рядом с женой Ромма актрисой Еленой Кузьминой. Она олицетворяла для Волчек идеал кинематографического изображения – графически тонкие черты лица, голубые с холодком насмешливые глаза, чувственно очерченный рот. Галя изо всех сил старалась перед зеркалом артикулировать, как Кузьмина, и курить, богемно откинув руку. Выходило смешно, отчего ее зажим рос, как сорняк в огороде. Сама Кузьмина ломала голову над будущим Гали.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Елена Александровна, Леля, много раз перебирала вместе со мной все профессии, которые, она думала, подойдут мне – толстой, ничем не примечательной, но любимой Галке. Папа осторожно мечтал о моей литературной карьере, наивно основываясь на моем удачном сочинении по Гоголю. И только один человек на этой планете знал, что я давно выбрала единственно возможное для себя дело.

Тогда она не знала, что через несколько лет смех зрительного зала при ее появлении на сцене поселит в ней веру в себя. А так она часами до одури тупо тарашилась в зеркало, и то, что она там видела, ее не особо радовало. С годами чувство неприятия собственного изображения не прошло. Во всяком случае, даже сейчас, когда она входит в лифт с зеркалом, я замечаю, она старается в него не смотреть.

Но внешность была лишь частью комплексов. Мешали природная зажатость и стеснительность, и она сама для себя закрыла все театральные кружки и студии, где собирались красивые и интересные девочки и разыгрывали сцены, а то и целые спектакли.

– Но, в конце концов, – спрашиваю я ее, – ведь вы выросли в профессиональной среде, чего, казалось бы, проще – попросить помощи у отца?

– Я знала, что хочу быть актрисой. Но произнести это вслух было – упаси бог. Единственный, к кому я решила пойти, – это Ромм, и он в конечном счете решил – теперь это можно сказать точно – мою судьбу.

Она рассказывает, как вошла в кабинет, похожий на пенал. Ромм внимательно посмотрел на нее сквозь очки. Не говоря ни слова, дал понять, что слушает ее. Она с пересохшим от трясушки горлом, с вспотевшими руками встала напротив него и впервые в своей жизни прочитала вслух жанровую сцену из «Тихого Дона», потом что-то еще. Закончила. Замерла.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Много раз впоследствии я испытывала страх, волнение, ужас перед встречей со зрителем, но не знаю, было ли в моей

жизни подобное испытание. Когда пришла в себя, увидела, как Ромм, сидя в своем всегдашнем кресле, гонял губами папиросу из одного угла рта в другой, вцепился руками в подлокотники. Похоже, он волновался не меньше меня.

Ромм еще раз очень внимательно посмотрел на стоящее перед ним ослабшее существо. Взял бумажку. Что-то написал. Свернул.

– На, отдашь Кареву. Не бойся. Иди поступать.

– А что там было написано? – спрашиваю я.

– Ты знаешь, при всем своем любопытстве я ее от страха не прочитала.

Прошло много лет, и Карев – один из моих педагогов – незадолго до своей кончины встретил меня где-то и сказал: «Галя, я должен отдать тебе записку Ромма. Я ее храню. Там написано все правильно».

Благословение Ромма было кратким и нешумным. Но путь в артистки Галины Волчек был усыпан, как и положено будущей звезде, не розами, а... химическими элементами. И это не научный образ, а конкретная мука, боль и ужас, которые мешали осуществлению мечты – получению аттестата зрелости. Только с ним можно было отправиться в театральный институт.

1951
{МОСКВА. УЛИЦА ЩУКИНА.
ТЕАТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ}

Волчек среди красоток. Держится в стороне. Красотки то и дело смотрят в зеркало, небрежно поправляют волосы и широкие юбки клеи, только что вошедшие в моду. Волчек одергивает свой синий шерстяной костюм и с тоской смотрит на дверь, где преисполненная важности блондинка звонким голосом выкрикивает фамилии «пятерок» абитуриентов.

– Вы не могли бы меня послушать? – обращается Волчек тихо к мимо проходящему человеку, лысому и очень пожилому.

– Вы что? У нас уже третий тур. А был и второй, и первый. Вы разве не знаете этого, милая барышня?

– Значит, нельзя? – почему-то обрадованно выкрикивает она, и ее столь неуместная радость озадачивает лысого человека. Он пристально смотрит на нее. После небольшой паузы, за которую успевают рассмотреть ее с головы до ног, произносит:

– И вот что, девушка... Поверьте моему опыту...

В таком образе Галя поступала в театральный институт

Ялта, Середина 50-х. Борис Волчек с Марией Мироновой и оператором Эдуардом Тиссе

Отец был решительно против ее поступления в театральный. Он уговаривал дочь пойти, ну в крайнем случае, на сценарный во ВГИК – сочинения она писать умела, хотя и с ошибками. Борис Волчек даже сделал несколько предусмотрительных шагов на тот случай, если Галя не поступит на гуманитарный факультет, – он договорился с дальним родственником, что ее возьмут в Институт гидромелиорации.

Представить ее специалистом, осушающим болота в интересах народного хозяйства, нельзя и в страшном сне. Поэтому, благословив судьбу, что отец отбыл на съемки в Ялту, Галя

прямым ходом отправилась во МХАТ, где, между прочим, без особого труда и к удивлению матери дошла до третьего тура.

– Тебя не примут все равно. Я узнала – там одни блатные поступают, – сказала ей Вера Исааковна и принялась уговаривать дочь повторить то, что делают «умные девочки» из хороших семей, – сдавать экзамены по кругу. То есть во все театральные училища в расчете на то, что где-то да проскочит.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Я хотела только во МХАТ и не собиралась бегать по институтам. Но мать сказала: «Ты убьешь отца», и я, как овца, пошла за ней в Щукинское. Я подумала, что отец и так из-за меня настрадался и в школе, и потом в экстернате. «Я могу принести для него такую жертву, – решила про себя, – сделаю вид, что поступаю в “Щуку”».

Придя под конвоем Веры Исааковны на улицу Вахтангова, она и не знала, какая приятная новость ее здесь ждет.

– Вы не могли бы меня послушать? – спросила она лысого дядечку, который быстро шел по коридору. – Я могу почитать вам отрывок.

– Да вы что? У нас уже третий тур кончается. А был и второй, и первый...

В глазах его Волчек прочла: «Откуда вы свалились, милая барышня?» И она обрадованно выпалила: «Значит, нельзя?» – чем привела лысого человека в еще большее недоумение. Он опытным глазом осмотрел ее с головы до ног и произнес:

– И вот что, девушка... Поверьте моему опыту... Не стоит вам поступать. Вас все равно не примут. Не теряйте время.

Эти слова развернули счастливую Волчек на 180 градусов, и она с глазами, полными мольбы, сменила счастливую интонацию на тон заправской попрошайки. Может, эта разительная перемена в голосе, подкрепленная отчаянием в глазах, может быть, еще что-то изменили ход событий. Человек сдался:

– Пойдете в последней пятерке.

И быстро ушел, очевидно удивляясь разнообразию человеческих типов и их нечеловеческих желаний.

Галина вошла с последней пятеркой среди девушек модельного типа. Претенденток усадили на скамеечку у стены, на них в упор смотрела вся «тяжелая артиллерия» Вахтанговского театра – не менее сорока знаменитостей: Толчанов, Шихматов, Понсова... И вскоре выяснилось, что соседство Волчек с фотомоделями не обещает ей ничего хорошего. Члены комиссии сначала хихикали, глядя на стеснительную толстушку, перемигивались между собой и что-то нашептывали друг другу.

– А я была абсолютно спокойна, – говорит Волчек, – я же в отличие от других совсем не хотела поступать в Щукинское. Мне-то как раз было все равно – примут, не примут...

Когда Волчек, похожая на девочку, нарядившуюся депутатом Верховного Совета из глубинки (коса, уложенная в пучок, синий пиджак в полоску с плечами, юбка ниже колен), начала читать прозу и басню, смех членов комиссии перешел в нескрываемый хохот. С повизгиванием смеялась прекрасная характерная артистка Понсова, очевидно почувствовав в абитуриентке родственную душу. Другие, вытирая слезы, махали руками, просили прекратить декламацию и не мучить уважаемую комиссию, чем окончательно запутали абитуриентку.

В общем, трагедия неожиданно перетекла в комедию с хэппи-эндом, который случался в начале карьеры не у одного актера.

– Все свободны, – сказал председатель жюри. – А ты, – обратился он к Волчек, – подойди к столу.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – И вот тот путь – от сцены до стола комиссии – был путь в эту очень страшную и жестокую профессию. Я шла, и каждый шаг

отзывался мыслью: «Сейчас они будут говорить, что я бездарная, что у меня нет никаких данных». Там, может быть, было шагов-то десять – пятнадцать, но я помню каждый. «Только бы не разрыдаться». Подошла к столу и, как осужденная, ждала приговора, голову опустила на грудь.

И вдруг...

– Ты принята. Товарищи, против никого нет? – услышала она чей-то голос.

– Нет, нет... – пропели все на разные лады с преобладанием мажорных.

И тут сценарий о гадком утенке, в жизни которого справедливость наконец восторжествовала, дал осечку и пошел не в ту сторону. Вместо счастья и радости из глаз неожиданно брызнули слезы.

– Я не хочу в ваше училище! Это мать! Она стоит там, внизу! Заставила! Я не хотела. Я хочу во МХАТ. Во МХАТ!

Она размазывала по щекам слезы, рыдала, и монолога ее было не разобрать. Выскочила из аудитории, за ней кто-то побежал, она не помнит даже кто, и убеждал горячо:

– Ты глупенькая. Ты ничего не понимаешь. Во МХАТе тебя засушат.

Во МХАТе, куда Волчек пришла на третий тур, таких ярких представлений уже не было. Никто не смеялся, когда она читала прозу Шолохова и басню Крылова, слушали строго. Во МХАТе, судя по всему, педагоги более серьезные, не развлекались за счет нестандартной внешности своих абитуриентов. Поэтому ни у кого из них не возникло желания проверить пластические возможности Волчек, и, к ее радости, показать танец не попросили.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Александр Михайлович Карев, ректор Школы-студии МХАТ Вениамин Захарович Радомысленский со студентами. В верхнем ряду: крайний справа – Петр Фоменко, пятый справа – Игорь Кваша, девятая справа – Галина Волчек

– А вокал? Ведь песня входит в программу наряду с танцем.

– С пением у меня было плохо, и я отказалась петь. «Ну, возьмите хотя бы “до”», – сказал мне концертмейстер с орлиным профилем. Я молчу, как ребенок, которого при гостях заставляют прочесть стишок. «До», – тянет концертмейстер, глядя на меня. Я молчу. На третий раз поняла: или надо убежать, или открыть рот. И я сказала «до». «Хватит», – обрадовался он.

– Как вы думаете, помогла ли вам записка, которую вам дал Ромм?

– Не думаю. Я часто думаю про другое – если бы меня не приняли во МХАТ, пошла бы я в Вахтанговский? С позиций прожитых лет могу сказать – пошла бы. А тогда со своим максимализмом – точно нет. Точно так же и сегодня, если бы сказали: «“Современник” закрывают, иди в другой театр». Я придумала бы какое-нибудь другое дело, но другого театра в моей жизни не было бы.

1954

{МОСКВА. ПРОЕЗД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА. ШКОЛА-СТУДИЯ МХАТ}

Студийная лестница. Здесь в перерывах между парами курят, треплются и крутят флирты. Волчек в ожидании подруги нервно смотрит на часы. К ней подходит тип весьма странной наружности. Его тощая фигура болтается в лиловом костюме явно с чужого плеча. Он, как ему кажется, живописно курит, держа руку на отлете так, чтобы все видели его мизинец с длинным холеным ногтем.

«Тоже мне, Пушкин нашелся», – думает она про себя и смущается его насмешливого взгляда в упор.

– Угостить папироской?

Он небрежно протягивает ядреный «Беломор». Она с деланным безразличием берет из пачки папиросу, не глядя на него, прикуривает и глубоко затягивается, чем приводит его в восторженное замешательство, – на его курсе девчонки «Беломором» не балуются.

Так встретились Галина Волчек с Евгением Евстигнеевым. Но до этой судьбоносной встречи на студийной лестнице в своих отношениях с мужчинами Галина уже имела определенный опыт. Первую любовь она не помнит или делает вид, что не помнит. Зато с удовольствием вспоминает Андрея Арапова, ставшего впоследствии известным хирургом. Он был уверен, что только дружит с этой полной и необычной девочкой, но она-то тайно вздыхала по нему. Природная застенчивость при отсутствии опыта не позволяла ей перейти к активным действиям и добиться, как умели это делать некоторые ее подружки, взаимности.

Она не умела читать классиков и смотреть фильмы про любовь как руководство к действию и в мужеско-женских отношениях в любом возрасте занимала позицию, не позволяющую ей перейти в категорию женщины-вамп. Хотя попытки выступить в знойном амплуа предпринимала. Так, после первого курса осенью подруги встретили Галину немой сценой. Перед ними предстала блондинка с безжалостно вытравленными и стриженными волосами. Отчаянность поступка подчеркивала косая челка над смеющимися глазами и особенно ярко, с вызовом накрашенный рот.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА, сокурсница Галины Волчек, актриса театра «Современник»: – Она ли это?! – подумали мы. – Еще год назад Галка тихо сидела в коридоре на диванчике в мужском пиджаке, как обкомовский работник. Волосы у нее были в пучке, и шпильки все время выскакивали на пол. Тихая такая была, даже забитая. А ведь из известной семьи, могла бы быть и посмелее. А тут явилась раскрашенная... Тогда же не было передачи «Про это» и никто не целовался на улицах. Мы все были закомплексованы, зажаты... Хотелось раскрепощения – надеть полосатую жуткого цвета майку, накрашивать губы... И вроде бы таким образом к сексу приблизиться. Я сама кокетничала напропалую.

Студенческий спектакль «Хитроумная влюбленная»

Любопытно, что самая молодая на курсе Волчек производила впечатление опытной. Во-первых, всегда выглядела старше, была не вертлява, не суетилась, отчего имела репутацию «тертой жизнью», и поговаривали даже, что у Волчек был аборт. Но аборта никакого не было.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Я не бойкая была в вопросах любви. Никогда никого не доставала. Я не выбирала. Я ждала и отвечала. Или не отвечала.

Она дружила с начинающим критиком Аликом Вартановым из компании Левки Збарского, ставшего впоследствии известным художником и эмигрировавшего в США в 1973 году. Их отношения были по-юношески невинны, чего нельзя сказать о другой симпатии Гали Волчек – некоем студенте МГИМО, дружившем с ее отцом. Эти отношения были без особых сантиментов и носили плотский характер. Волчек убеждена, что именно потому этот плейбой не стал в ее жизни чем-то важным и значительным.

Вообще она, несмотря на свою приземленную внешность, была натурой возвышенной, с невидимыми крыльями, и наивной. Она безумно любила французского актера Жана Габена и из-за него прогуливала уроки, клячила у отца деньги, чтобы в 89-й раз посмотреть фильм «У стен Малапаги». Этот крупный мужчина с большим носом и совсем небольшими пронзительными глазами тревожил в ней не проснувшееся еще женское начало. Было в нем что-то необъяснимо магнетическое – на экране хотелось смотреть только на него, и чтобы он оказался рядом.

Нечто подобное она впервые испытала на лестнице в Школе-студии МХАТ, когда встретила очень странного типа, нелепо одетого в лиловый костюм с чужого плеча. Запах ее мужчины, не объяснимый ни на словах, ни тем более на бумаге, ей показался как будто бы знакомым и притягательным.

В его наглости было что-то зовущее.

– Угостить папироской?

Он небрежно протянул ядреный «Беломор». Она с деланным безразличием взяла из пачки папиросу, не глядя на него, прикурила и глубоко затянулась, чем привела его в восторженное замешательство – на его курсе девчонки «Беломором» не балуются.

После дипломного спектакля «Хитроумная влюбленная» с однокурсниками и педагогами

Этот тип ее поразил. Чем? Как можно объяснить, чем мужчина вдруг поражает женщину? Ну не лиловым же костюмом и выпендречно залакированным ногтем? В нем был какой-то вызов – в манере небрежно говорить, держаться по формуле «а видал я вас всех», в низком голосе и какой-то странной пластике, с какой тигр держится среди других животных.

Справедливости ради стоит сказать, что для такой свободы, принимаемой некоторыми за развязность, третьекурсник Женя Евстигнеев имел основания большие, чем кто бы то ни было из студентов. Во-первых, он был старше всех года на четыре и кое-что в этой жизни попробовал – успел поработать в театре артистом, умел стучать на барабанной установке и уже в училище поражал всех своей артистической органикой. Его талант был бесспорен.

Впрочем, это никак не являлось аргументом для родителей Гали, которые с первого дня не приняли Евстигнеева.

Студенческая работа. Спектакль «В добрый час»

Дипломный спектакль «Женитьба Бальзамина». Капочка – Галина Волчек

1956

{МОСКВА. ДОМ НА ПОЛЯНКЕ}

В квартире тихо, хотя все дома – отец, его вторая жена. Галя с Женей в маленькой комнатке. Не работает даже радио. С кухни доносится грохот кастрюль – сигнал того, что нянька Таня сегодня в скверном настроении. Судя по ее лицу, она явно не в духе. Она гремит посудой и беззвучно шевелит губами, сердито шепчет про себя:

– Наша Галька... Мы думали...

Крестится и осторожно выглядывает в пустой полутемный коридор – двери всех комнат плотно прикрыты.

Хоть волком вой – такая атмосфера сложилась в ее любимой квартире на Полянке, как только Женя переехал к ней в комнату. Отец и его вторая жена занимали комнату большую, а молодым выделили крохотную, которую в свое время переделали из кухни.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Что происходит? – спрашивала я себя, хотя понимала: Женя был просто не ко двору. Он был чужой для моих родителей.

– А они как-то показывали Евстигнееву свою неприязнь?

– Ни за что! Все были предельно вежливы, не выясняли отношений, никаких претензий, но это как раз было страшнее всяких скандалов.

При виде будущего мужа единственной дочери родители испытали шок. Перед ними предстало нечто в костюме, рукава которого закрывали ладонь до ногтей. Тип картинно принимал позу, по его мнению, соответствующую положению ведущего артиста из Владимирского драмтеатра, – корпус чуть выгнут вперед, нога в третьей балетной позиции, одна рука в кармане, другая небрежно гуляет в воздухе и совершает хватательные движения при приближении особ женского пола. Их он непременно называл всех без разбору «розочками», раскатисто напирая на «р».

Борис Израилевич Волчек, человек в высшей степени интеллигентный, мягкий, не выносил его плебейских манер, не понимая, что таким образом провинциал Евстигнеев прикрывает перед новыми столичными родственниками комплексы человека неблагородного происхождения. А мать, Вера Исааковна, жившая отдельно от мужа и дочери, даже не считала нужным скрывать от зятя своей антипатии.

На крыльце Школы-студии МХАТ. У дверей Михаил Козаков

Евстигнеева не приняла и женщина из народа – няня Таня. Именно она запросто озвучивала мысли, которые другие не произносили в силу деликатности.

– Наша Галька... Мы думали, она выйдет за какого самостоятельного, а она вон что привела. Как ему не стыдно лысому ходить? Хоть бы какую шапчонку надел.

Подобно чеховскому Фирсу, она сокрушалась о непутевости своей воспитанницы, выдавая настроение кухонным шумом.

Галя не могла вынести тягостной атмосферы всеобщего неприятия возлюбленного и сама предприняла радикальные шаги – она собрала вещи и сообщила мужу, что надо уходить. Женя не сопротивлялся, потому что и ему было трудно выносить двойственность своего положения – любимый муж, не принятый родителями супруги.

Когда Галина объявила, что уходит из дома, Таня сказала:

– Если родишь сына и хочешь, чтобы я его любила (хотя ребенка не было и в проекте), то назови его Борис Израилевич.

Так простая деревенская женщина строила в семье Волчек дипломатические отношения, искренне любя всех и не желая ни с кем ссориться. Но Галину с ее крутым нравом и максималистскими замашками было не остановить.

Я представляю, как молодая пара взяла единственный фибровый чемодан, скорее всего коричневого цвета, шагнула за порог. За дверью остались надежная крыша, налаженный быт, любимый отец, с которым совсем испортились отношения, и его новая супруга.

Когда прошло время и возрастной максимализм не испарился, а вошел в берега, Галина смогла иначе оценить поведение отца. Борис Волчек после развода с первой супругой не мог позволить себе до совершеннолетия дочери приводить в дом женщину. И вот, когда, казалось бы, пробил час и отец готовился легализовать свою личную жизнь, в доме появился Женя, который не хотел ничего дурного. Однако размеренная жизнь семейства Волчек разладилась.

– Куда же вы отправились с единственным чемоданом? Квартиру сняли? – спрашиваю я ее.

– Что ты, денег на квартиру не было. Я помню, что в первый вечер мы проболтались в городе, ночевали на улице – спасибо теплые дни стояли. Потом скитались по друзьям и знакомым, которые сами снимали углы. И наконец с помощью какой-то умелицы сняли свою первую комнату на Кутузовском проспекте, недалеко от того дома, где жил Брежнев. Деньги на комнату нам дала моя мать.

Вера Исааковна хоть и была женщиной твердых правил, но от неприкаянности единственной дочери ее сердце дрогнуло. Няня, как верный оруженосец, таскалась за «своей девочкой». У нее были своеобразная речь и свой особый взгляд на мир. Ее высказывания Галина пересказывала друзьям, и с их легкой руки фразочки «от Тани» гуляли по всей Москве.

Пока молодые не обосновались на Кутузовском, Таня жила у матери Галиного приятеля Алика Варганова. Она прошла с воспитанницей по всем съемным квартирам, опускаясь в дешевые сырые подвалы или взлетая в лифте в престижных домах. Когда у Гали с Женей, ведущих широкую жизнь не по средствам, кончались деньги, она ссужала им из своих скудных запасов.

Итак, Волчек и Евстигнеев в 1956 году начали самостоятельную жизнь, которая длилась семь лет и была наполнена счастьем. Так, во всяком случае, ей тогда казалось.

После первого спектакля «Вечно живые», 15 апреля 1956 года

Я прошу Волчек реконструировать события того времени.

– Какой характер носили ваши отношения с Евстигнеевым?

Она пытается найти слова, более подходящие к тем давним своим ощущениям. Вот они молодые стоят на мхатовской лестнице – два странных человека: тощий, лысоватый молодой мужчина со смеющимися глазами и девушка, особенная, странная, которая не проходит по списку первых и даже вторых красавиц курса.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Поначалу это была заинтересованность типом. Нет, скорее типажом, а потом уже типом. А позже все развивалось согласно моему характеру – доказать себе, всем доказать, что он не тот, какое производит впечатление. Я увидела в нем что-то такое, чего не видели другие. А мне очень хотелось, чтобы это увидели все.

Роман их был сильный, но, как она теперь понимает, основанный больше на дружеской природе.

– Мы вместе шли к женитьбе, к рождению ребенка.

Именно дружеское сосуществование не позволило ей запомнить такую милую деталь, как предложение руки и сердца. Их отношения были лишены показной нежности и, скорее, соответствовали суровой и жизненной прозе Хемингуэя и Ремарка. Под стиль входивших в моду писателей вполне подходил день, когда Евстигнеев и Волчек регистрировали свой первый в жизни брак.

1957
{МОСКВА. ПОЛЯНКА.
ОТДЕЛЕНИЕ РАЙОННОГО ЗАГСА}

Двое не спеша идут по улице, осторожно обходят лужи.

– А на какие шипы мы выкупим твоё пальто? – спрашивает она.

– Надо у Володьки перехватить. А кольца-то ничего, дутые. Пол-Москвы обегал, пока нашёл. Давай зайдём в подъезд.

Заходят. Он достаёт из внутреннего кармана пиджака четвертинку, привычным движением сворачивает алюминиевую крышечку и делает большой глоток. Протягивает ей:

– Ну, давай теперь ты.

Она морщится, но всё же делает небольшой глоток.

– Хоть бы взял что-нибудь закусить.

Её слова он воспринимает как руководство к действию и, когда они выходят из подъезда, покупает эскимо. С этой молочно-шоколадной закуской они входят в районный загс на Полянке.

– Брось, неудобно, – говорит она, глядя, как сладкие белые капли падают на его единственный пиджак.

– Щас. Бросил.

Он доедает эскимо, облизывает липкие пальцы, и пара вступает в зал с выкрашенными в немаркий колер стенами. Ответственная женщина с серьёзным лицом и пучком на манер моды конца 50-х объявляет их мужем и женой.

Евгений Евстигнеев и его молодая жена, только что потратившая свой первый гонорар на модную и красивую одежду для мужа.

– А вы помните свадьбу?

– Плохо. Помню только, что играли ее в квартире моей мамы, потому что я же ушла от отца, обидела его. И еще помню, что в такси мы забыли голубой отрез на свадебное платье. Ночью мы искали этого таксиста, нашли, и платье было спасено. Даже не помню, кто из гостей был.

Из подарков, не блиставших роскошью, она запомнила, пожалуй, самый смешной – от актера Владимира Кашпура, дружившего с Евстигнеевым еще со времен Нижнего Новгорода. Артист подарил новобрачным пластмассового пупса, к животу которого ленточкой привязал одеколон «Жди меня». За ним тогда гонялись все модницы.

ВЛАДИМИР КАШПУР – Это была не объявленная свадьба, а домашние посиделки. Женя спросил меня: «Придешь?» – «Приду», – сказал я. Денег не

было, ну я и купил куклу с одеколоном. Свадьба была тихая. За столом – все свои: папа и мама Гали, певец Марк Бернес. Но он не пел, с Женей все разговаривал, рассказывал о съемках. А на Жене был серый костюм в полоску, он готовил и подавал к столу. Он вообще очень хорошо готовил. Галя над ним подтрунивала.

Еще Волчек помнит, как не было денег, как кочевали с одной съемной квартиры на другую и как она возила Жене, попавшему в больницу с дифтеритом, калорийные булочки за 10 копеек. На апельсины денег не было.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Смешно, что он лежал в боксе, где было разбито стекло, так что ни о какой изоляции не могло быть и речи. Глупые мы были. Ничему не придавали серьезного значения – ни деньгам, ни заразным болезням.

Необыкновенная легкость бытия этой пары имела конкретную арифметику. Молодожены получали по 690 рублей старыми деньгами в «Современнике», из которых половина уходила на уплату за съемную комнату, другая половина – на продукты и коллективные гулянки.

Непьющая Галина Волчек на одной из вечеринок юного «Современника»

– Интересно, почему вы не взяли фамилию Евстигнеева?

– Так вопрос не стоял. Актеры обычно оставляют свои. Да мне и в голову такое не приходило.

– А вас никогда не смущало его провинциальное происхождение?

– Нет, что ты. У нас были очень хорошие, светлые и ровные отношения. Хотя история «Пигмалиона» мне была не чужда.

– Вы хотите сказать, что, как доктор Хиггинс, сделали своего мужа?

– Ну не совсем так, хотя ситуация была похожа. Женя, например, говорил: «Беленый суп». То есть по-нашему – со сметаной. Мыло с парфюмерной отдушкой называл «духовым». Тенниску на молнии – бобочкой. Да много всего такого.

– Вы, девочка из приличной семьи, стеснялись его дикости?

– Никогда! Никогда! За всей этой дикостью, нет, дикость – не то слово. Я видела, чувствовала его талант.

– Старались переделать, перекроить на свой лад?

– Он был таким талантливым, что неизвестно, кто кого переделывал и кто на кого влиял. Он ли на меня, что позволял прикоснуться к своему таланту, быть рядом? Или я на него со своими методами?

Но как бы она сейчас ни взвешивала, чьи заслуги при взаимном воспитании больше, она, конечно, пыталась изменить супруга, слепить его внутренний и внешний образ. Так, на первый свой киношный гонорар она купила Жене в комиссионке полное облачение – костюм, плащ, шляпу и в довершение коробку французских галстуков. Кстати сказать, каким бы чудовищным и безвкусным ни казался его костюм, он умел его носить шикарно, как будто именно для него одного он и был сшит самым дорогим московским портным.

Впрочем, мануфактурной отделкой образа дело не ограничивалось. Волчек, смеясь, вспоминает, как заставляла мужа прочесть «Войну и мир». Женя добросовестно брал книгу в руки несколько раз, но так и не мог одолеть и трети. Доходило до таких ссор, что самому Толстому было бы неловко: что своим творением он ставил под угрозу семейное счастье. В данный момент семья Волчек – Евстигнеева была несчастлива по-своему.

В конце 50-х годов она не подозревала, что в 1994-м использует личный опыт по ваянию чужого образа в спектакле «Пигмалион». Во всяком случае, воспоминания из семейной хроники доставят ей радость и она будет говорить артистам: «А вот Евстигнеев в этот момент, я помню...»

1956

{МОСКВА. ШКОЛА-СТУДИЯ МХАТ}

– Чего ты дрожишь? – шепчет ей кто-то.

Она смотрит на свои колени – они действительно дрожат.

– Да ты водки выпей. Даже во МХАТе все пьют. Мне ребята рассказывали. Рука с протянутой четвертинкой.

Сначала Москва узнала артистку Галину Волчек. Во всяком случае, о ней сразу же заговорили, как только она сыграла в «Вечно живых» Нюрку-хлеборезку – свою самую первую роль. В 1956 году ей было 22 года, а выглядела она на все 40.

– Грим такой? – спрашиваю ее.

– С одной стороны, грим, а с другой...

С другой – такое внутреннее состояние, что не поверить в ее возраст и подлый опыт невозможно. Вот Нюрка – очень странная, препротивная внешность. Большие, вывернутые губы, родинка над губой, на носу... Прическа высокая, накладная и взгляд – тяжелый, наглый, уверенный. Поэтому с эвакуированной интеллигенткой она обращается бесцеремонно, тон ее не предполагает возражений. Личность омерзительная, но магнетизма невероятного – на нее все время хочется смотреть.

То, что она – острохарактерная актриса, было ясно уже в институте.

ЛЕОНИД ЭРМАН, директор театра «Современник»: – Я учился на постановочном факультете и дружил с Галиным курсом. Она меня не замечала – я был ординарный студент, а она уже тогда выделялась. Чем? Всем выделялась – яркая была, а на сцене – смешная, всегда с подтекстом, умная. Я оформлял их дипломный спектакль «Хитроумная влюбленная» Лопе де Вега. Галя там замечательно играла.

Скромный студент не догадывался, что в 58-м году станет завпостом молодого «Современника», а в 89-м – его директором.

«Вечно живые». Сцена из спектакля

Она говорит, что на премьере «Вечно живых» боялась выходить на сцену до обморока. И в это очень трудно поверить – такая спокойная безнаказанная уверенность шла от ее Нюрки. На первом спектакле опытные люди порекомендовали Волчек лучшее лекарство от зажима – водку.

– Чего ты дрожишь? Выпей. Во МХАТе тоже пьют, мне рассказывали, – заговорщически шепнул ей кто-то и протянул четвертинку. Волчек, зажмурив глаза, делает большой глоток и с удивлением смотрит на стеклотару – она выпила почти все.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Да, я выпила почти всю бутылку. Заглотнула, как удав, минут за десять до выхода на сцену. Как же меня развезло. Нет, я даже не успела опьянеть и не шаталась. И текст не забыла. Только в сон меня потянула эта водка. Не помню, как доиграла.

Можно ли осуждать актеров за употребление «успокоительного лекарства», если знаменитый Евгений Лебедев из ленинградского БДТ, будучи артистом со стажем, не мог играть Рогожина в «Идиоте», не приняв за кулисами 250 грамм коньяку? Он утверждал, что только после этого достигал нужной степени раскованности на сцене и имел очень хорошие отзывы. Только из одного этого примера можно сделать вывод, что общих правил на сцене не существует: от алкоголя одним вред, другим – очевидная польза.

«Вечно живые», Нюрка-хлебрезка – Галина Волчек

После того случая Волчек убедилась, что это средство не для нее. А позже, когда она возглавила театр, вообще объявила алкоголь в труппе «персоной нон-грата». Я помню, уже в конце 90-х, как-то после спектакля «Ревизор» артисты очень быстро ушли с поклонов, а за кулисами я услышала отчаянный, срывающийся крик Волчек, которая стояла неразгримированная в костюме Городничихи и, как загипнотизированная, повторяла:

– Это нарушение дисциплины. Я не позволю. Если еще раз я увижу, почувствую...

От эмоций ей явно не хватало слов, и она их ловила руками, шарахая кулаками по воздуху. Обычно флегматичная, на сей раз Волчек выходила из берегов и была страшна в гневе.

Поклоны после первого спектакля, сыгранного впервые на стационарной сцене – в филиале МХАТа

Истошный крик вызвал актер, который на сцену вышел нетрезвым. И ролька у него была маленькая, на заднем плане, и другие его прикрывали, но Волчек почувствовала запах на сцене и разошлась не на шутку. Мужской состав «Ревизора», обычно иронично настроенный, на этот раз не позволил себе шуток и комментариев. Все знали, что нарушение алкогольного табу и уж тем более появление в театре в пьяном виде для Волчек равносильно преступлению. Судя по ее виду, в этот момент она была готова на все. Во всяком случае, через какое-то время нарушитель был уволен.

Нюрка-хлебозрезка и «Вечно живые» остались в ее памяти не только четвертинкой, не только оглушительным успехом, но и тем, что Бог ее уберег. Во время выпуска спектакля на одном из прогонов с колосников сорвалась тяжелая грузка. Она тяжело грохнулась рядом с Волчек, которая даже не сразу поняла, что произошло. Она только увидела, что все, кто находился рядом в этот момент, замерли, как в стоп-кадре.

– Шагни я чуть левее, меня бы точно не было в живых. Убило бы на месте. Но Бог меня сохранил.

– В театре случайно ничего с колосников не падает.

– Нет, это была случайность. Никогда в жизни я не поверю ни в какие покушения.

И смеется своим хрипловатым коротким смешком на выдохе.

Начало 60-х {МОСКВА. УЛИЦА ГОРЬКОГО. РЕСТОРАН ВТО}

– Больше не подаем. Кухня закрыта, – говорит администратор в униформе у дверей, и большое лицо его похоже на кирпич.

– Как – закрылась? Только двенадцать часов, – раздаются возбужденные голоса группы молодых людей. Они атакуют сначала невозмутимого администратора, потом официантку Валечку. Она знаками показывает, что ничего не может, и делает страшные глаза, что означает – сегодня дежурит начальство.

За столиком у окна артистка Ольга Бган принимается за блюдо, которое ей только что подали.

– Отдай! Видишь, человек голодный, из Америки приехал, – бросаются к ней.

Про «Современник» написаны книги, и он войдет во все театральные справочники как лучшая ветвь мхатовского дерева. Та же опознавательная система – «Славянский базар», Камергерский, Морозов, Немирович со Станиславским – но с другими данными. А именно: школа-студия – гостиница «Советская» – площадь Маяковского – Чистые пруды – Ефремов – Волчек – Толмачева – Табаков – Кваша... Исторический ликбез сегодня звучит как рекламный слоган, тем самым отпечатываясь в сознании нескольких поколений.

С другой стороны, энциклопедический памятник лишен массы историй с атмосферой времени. А истории были самые разные – драматические, трагические и легкомысленные, как мысли в голове завравшегося Хлестакова. Например, та, которая произошла с американским драматургом Олби, приехавшим в Москву в середине 60-х.

Молодой «Современник» поставил его пьесу «Баллада о невеселом кабачке» с Табаковым и Волчек в главных ролях. Олби был одним из немногих разрешенных в СССР иностранцев, и современниковцы носились с ним, как с дорогим гостем. В этом не было ни грамма общепринятой показухи: искренность и честность «Современника» удивляла и потрясала иностранцев. Олби не был в этом ряду исключением. «Баллада...» в московской версии ему понравилась. Потом выпивали. Когда скидывались по рублю, Олби протянул свои доллары, но артисты с гордостью их отвергли. Дальше они помчались в единственный работавший до утра в Москве ресторан ВТО.

Репетировали везде, даже в электричке

– Больше не подаем. Кухня закрыта, – сказал им администратор в униформе.

– Как – закрыта? Только двенадцать часов! – Они атаковали сначала администратора, потом официантку Валечку. Та знаками показывала, что ничего не может изменить, и делала страшные глаза, что означало – сегодня дежурит начальство.

Как назло, артистов в ресторане было мало и кухня уже свернулась.

Евгений Евстигнеев, Михаил Козаков, Александр Ширвиндт

ГАЛИНА ВОЛЧЕК: – Видим, Олечка Бган (она снялась в двух популярных картинах) у окна сидит, ей только что «зубрика» принесли. «Зубрик» – это что-то вроде жульена на маленькой сковородке. «Видишь, человек голодный, из Америки приехал», – сказали мы ей, и она отдала Олби своего «зубрика».

А вот другая история, способная вызвать у многих приступ тошноты. У молодых же артистов – ее участников – в свое время она не вызвала ничего, кроме гогота удачливых охотников, сумевших накормить соплеменников. Происходила она в помпезной гостинице советского образца «Советская», где «Современник» временно имел пристанище до переезда на площадь Маяковского.

Репетировали в основном по ночам. Были бедные и всегда голодные. После того как варварски съедали все бутерброды композитора Хозака, заботливо упакованные его мамой, переходили к ресторанной пище. Первым номером в меню шла котлета по-киевски. Рецепт ее был оригинален: брались две не доеденные кем-то в ресторане котлеты, отрезались с той стороны, где их кто-то уже надкусил, и после обрезания соединялись в одну «деволяй». Блюдо пользовалось повышенным спросом, и ни о какой брезгливости не могло идти и речи. Котлетные объедки артистам приносили монтировщики, которые подрабатывали в гостинице полотерами.

На встрече со зрителями. Игорь Кваша, Евгений Евстигнеев, Галина Волчек, Олег Ефремов, Лилия Толмачева, Нина Дорошина

Молодость, голод и азарт – необходимые составляющие успеха. Артисты репетировали день и ночь, и их жизнь походила на добровольный запой без минуты протрезвления. Воображение легко рисует типичную картинку, которую подправляют лишь чужие воспоминания. Вот Ефремов и его актеры на сцене. Незанятые в спектакле сидят в зале – таков негласный закон «Современника». На последнем ряду, свернувшись калачиком, спит Лелик Табаков – самый младший в ефремовской команде. Хотя он моложе всех всего-то на два-три года. Он тощий, все время мерзнет и натягивает на голову чье-то чужое пальто.

А вот история, доказывающая, как чистые порывы и невинность были «изнасилованы» опытом и изошренностью советской системы. И то, что дерзкими молодыми талантами принималось за свободу, было всего лишь ее иллюзией.

Первый дом «Современника», Площадь Маяковского. Очередь за билетами

В Москву приехал другой американский драматург, Артур Миллер, пьеса которого «Случай в Виши» также репетировалась в «Современнике». Артисты, уже избалованные общением с западными знаменитостями, рвались с ним встретиться.

Встречу назначили после спектакля на чьей-то квартире. Накрыли стол, старались сделать все шикарно. И вдруг выясняется, что «нельзя». Табакова и Волчек вызвали в кабинет директора, и там человек в штатском сказал: «Никакого Миллера. Никаких гостей». Как? Что? А человек этот устало-равнодушно повторил вышесказанное.

Черно-белый кадр из кино про события, незнакомые моему поколению. Человек с усталым и невыразительным лицом, но жестким взглядом повторяет установку. Смятение на лицах взволнованной молодежи, которую строят как хотят, а она уверена, что сопротивляется.

На обсуждении спектакля со зрителями

Тем не менее все пошло согласно сценаристам из КГБ – Миллер зря прождал своих молодых знакомцев в холле «Интуриста» и, не дождавшись, почувствовал себя чужим и незаслуженно оскорбленным на советском празднике жизни.

Как ни парадоксально, но именно в таком спарринге – осознанно-изошренной лжи со стороны властей и неосознанной веры в иллюзию правды – существовал и развивался «Современник». Доля разрешенной правды оформлялась в новые художественные идеи. Хотя время чем дальше, тем больше добавляло к романтической наивности привкус горечи.

Впрочем, такими категориями в то время они не мыслили. Жили легко, вразлет, с верой, которая, как позже выяснится, их же и уберегла. Свои сумасшедшие вечера после спектаклей, когда не было денег на ВТО, обычно заканчивали в коммуналке у Волчек и Евстигнеева, где счастливая пара снимала комнату. Никого не смущало спать вповалку на супружеском ложе и возле него, с азартом захватывали места получше.

Однажды в предрассветных сумерках Волчек встала, чтобы пробраться в туалет. Она споткнулась о чье-то тело и упала на другое. «Тело» издало звук, зашевелилось, но, посопев, затихло. Это был начинающий чешский кинематографист Милош Форман, попавший в компанию безумных современниковцев, как и Олби, и Миллер, и многие, многие другие в конце 50-х – начале 60-х годов. Но все это спрессовалось в один плотный отрезок времени, который возможно теперь повторить разве что на экране.

1961

{МОСКВА. «СОВРЕМЕННОСТИ»}

На маленькой тахте – мужчина и женщина. Между ними раскрытый патефон, вертится пластинка. Голос сладкого тенора выводит: «Скажите, почему нас с вами разлучили...»

– Мужчине надо то носки покупать, то мясо, то четвертинку. Вот скажите, что такое любовь? – кокетливо вздыхает женщина.

– Неизвестно, – равнодушно отвечает мужчина.

– Любовь... это электрический ток.

– Очень может быть.

– Не может быть, а точно. У тебя когда отпуск кончается?

Спектакль «Пять вечеров» стал для Галины Волчек первым испытательным полигоном, где она попробовала себя в качестве режиссера. Причем произошло это как будто бы случайно. В 1959 году пьесу Александра Володина репетировал сам Ефремов, который по одному ему ведомым тактическим соображениям приглашал на репетиции в то время руководившего МХАТом Михаила Кедрова.

ЛИЛИЯ ТОЛМАЧЕВА, исполнительница роли Тамары – женщины, похоронившей себя в отсутствии любви: – Ефремов нам говорил одно, Кедров – другое, и с его мнением тоже нельзя было не считаться. Хотя, когда он уходил, Ефремов требовал, чтобы мы не обращали внимания на вмешательство большого мхатовского начальства. Тот возвращался, и ужас возвращался с ним. Я, вслед за своей героиней, готова была себя закопать на сцене.

«Пять вечеров» наконец домучили и сыграли. На премьеру приехал Александр Володин из Ленинграда, где Георгий Товстоногов раньше «Современника» выпустил эту пьесу. После ночного прогона все поздравляли артистов со свойственными успешной молодости перегибами: «Вы гении, ребята! Вы гениальные артисты!»

«Пять вечеров». Тамара – Лилия Толмачева, Тимофеев – Евгений Евстигнеев

А до премьеры было обсуждение.

Все восторгались: «Это новое слово о любви... Как правдиво... романтично и без сладких слюней официального искусства». И в самом деле, у драматурга Володина, усадившего в старом ленинградском доме на маленькую тахту мужчину и женщину, про это как в жизни.

– Мужчине надо то носки покупать, то мясо, то четвертинку. Вот скажите, что такое любовь? – капризно спрашивает женщина.

– Неизвестно, – равнодушно отвечает мужчина.

– Любовь... это электрический ток.

– Очень может быть.

– Не может быть, а точно. У тебя когда отпуск кончается?

А Галина Волчек встала тогда и сказала:

– Все хорошо. Про любовь – согласна. Но вот работа Лили Толмачевой меня смущает. У автора написано, что она работает на фабрике резиновых изделий. Может, она там презервативы клеит. А глядя на Лилию, я не могу поверить, что она вообще на фабрике работает, пусть даже с презервативами... И вообще социальность пьесы, по-моему, совсем в другом. Этим людям сломали судьбу. Время такое было, и поэтому Тамара живет «на автомате»: ходит на свою фабрику, клеит там эту резину... Вся жизнь как сплошной конвейер.

Что удивительно, Ефремов совсем не обиделся на критику своей артистки и не рассматривал это как попытку подсадить его.

Через два года, когда Волчек была беременна, она без дела болталась по театру. Именно тогда кандидаты на вылет из труппы «Современника» – Любшин, Заманский, Зиновьева – попросили ее: «Галя, посиди у нас на репетиции, посмотри свежим взглядом. Если мы в этот раз провалимся...» Ребята своим составом репетировали все те же «Пять вечеров». Беременная Волчек спокойно усидеть на стуле не смогла и... подготовила свою версию. Ее приняли не просто как работу по удачным актерским вводам, но как новый самостоятельный спектакль. Волчек в нем постаралась ответить на те вопросы, которые задавала на обсуждении ефремовских «Вечеров», с одной стороны, а с другой – в нем все смешалось: и лирика, и комедия, и

быт, и страшное время. Варианты играли в очередь целый сезон. А когда в конце года Ефремов устроил очередную зачистку состава на профнепригодность, два состава смешались и играли то версию Ефремова, то Волчек. Впрочем, публику мало интересовало, кому принадлежит авторство.

После удачной премьеры над Волчек шутили, что беременна она режиссерством. А через полтора года она выпустила спектакль, определивший весь ее дальнейший путь и ставший сенсацией в театральной Москве 60-х годов. Но тогда она думала только об одном – чтобы нормально родился ребенок, и желательно – мальчик. Имя она ему уже выбрала и попросила подруг покупать все для новорожденного только голубого или синего цвета.

1959 {ЛЕТО. БАТУМИ}

Город солнца, моря, фруктов и мужчин в больших кепках-аэродромах с ленивыми манерами. Они долгими томными взглядами провожают двух москвичек.

– Девушка, разреши познакомиться, да?

– Красивая, в горы отвезу. Королевой будешь.

Когда я сейчас смотрю на нее – крупную, кашляющую – я почему-то думаю: «А имела ли она успех у мужчин?» Ведь женщины, добившиеся определенного положения в обществе, а уж тем более женщины творческих профессий, как правило, обделены мужским вниманием. И их общественная значимость заполняет дефицит мужского внимания и тепла.

«Баллада о невеселом кабачке». Мисс Амелия Ивенс – Галина Волчек

В 1959 году Галина Волчек отправилась в Батуми со своей бывшей сокурсницей, актрисой «Современника» Людмилой Ивановой. Отдыхать и заодно проведать Игоря Квашу, который в это время там снимался.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА: – Да что ты, Галя пользовалась в свое время невероятным успехом и в Москве, и куда бы мы ни приезжали. Я помню, мы с ней поехали в Батуми отдыхать, так там весь город на ушах стоял. Хоть я и была тогда яркой блондинкой, стройной, но такого успеха у кавказцев, как она, не имела.

Мужчины в больших кепках-аэродромах, с ленивыми манерами долгими томными взглядами провожали двух москвичек.

- Девушка, разреши познакомиться, да?
- Красивая, в горы отвезу. Королевой будешь.

Красивая бросала на них презрительные взгляды с видом победителя, взявшего южный город без боя. Она даже не устаивала вниманием трофеи, которые бросали к ногам триумфатора, – фрукты, вино, белые «Волги».

– На уличные знакомства мы с ней не покупались, а вот до писателя из Тбилиси снизошли: писатель – другое дело. Он пригласил нас к себе на дачу на обед. Галка мне шепчет: «Чур, ни на шаг от меня, договорились?» А писатель расхрабрился, угощает, вина подливает. Когда Галка вышла, шепнул: «Подруга, погуляй по саду». А я ему на голубом глазу: «Не хочу».

«Баллада о невеселом кабачке». Сцена из спектакля

Писателю ничего не оставалось, как довольствоваться девичьей трогательной дружбой. Такая же участь постигла архитектора и еще каких-то творческих сынов кавказского народа. Дело чуть не кончилось плохо.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА: – Однажды ночью к нам в номер раздался зверский стук в дверь. Галка испугалась: «Доигрались!» Сделали вид, что нас нет, а утром сбежали в Одессу, там Евстигнеев снимался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.